

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ
И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

ВЫПУСК V

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2012

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М64

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *П.К. Дашковский*

Редакционная коллегия
доктор исторических наук *Л.Н. Ермоленко*
доктор культурологии *Л.С. Марсадолов*
доктор исторических наук *Т.Д. Скрынникова*
доктор исторических наук *О.М. Хомушко*
доктор исторических наук *Л.И. Шерстова*
доктор исторических наук *С.А. Яценко*

М64 **Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе** : сборник статей / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. – Вып. V. – 294 с.: ил.
ISBN 978-5-7904-1200-4

В сборнике представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и в период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, а также новым религиозным движениям.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей духовной культуры.

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект №10-01-00535 а/Г «Влияние мировых конфессий и новых религиозных движений на традиционную культуру народов Российского и Монгольского Алтая»)

ISBN 978-5-7904-1200-4

© Оформление. Изд-во Алтайского
госуниверситета, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ	
<i>Горюнков С.В.</i> Метаязык мифов и матричный принцип	11
<i>Тимощук А.С.</i> Антиномии индоевропейской традиционной культуры	21
II. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ	
<i>Дашковский П.К.</i> Мироззрение кочевых народов Центральной Азии хунно-сяньбийского периода в отечественной историографии: проблемы, направления исследований, дискуссии	35
<i>Дробышев Ю.И.</i> Тэнгрианство и буддизм в средневековой Монголии	71
<i>Жамбалтарова Е.Д.</i> Обряды как иерархически организованные системы (анализ погребальных комплексов раннего неолита Забайкалья)	90
<i>Михайлов Ю.И.</i> Сакральная природа символов власти в синташтинской и семинско-турбинской традициях.....	104
<i>Руденко К.А.</i> Влияние ислама на традиционную культуру народов Волго-Камья в эпоху средневековья	113
<i>Сериков Ю.Б.</i> Краски и цвет в ритуалах древнего населения Урала.....	122
III. САКРАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА И ПАЛЕОАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Головизнин М.В.</i> Эволюция «вятского архитектурного стиля» как отражение полиэтничности и поликонфессиональности Вятско-Камского междуречья	143
<i>Ларичев В.Е.</i> Святилище Второго Каменного острова Средней Ангары (реконструкция календарных систем эпохи неолита Прибайкалья и семантика зооморфных образов наскального искусства Восточной Сибири)	155
<i>Марсадолов Л.С., Паранина Г.Н.</i> Методика и методология комплексных исследований древних сакральных мегалитических объектов.....	166
<i>Паранина Г.Н.</i> Солярная культура Сибири: географические аспекты формирования и развития	183

**IV. ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ,
ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ И РОССИИ**

<i>Бурнаков В.А.</i> Традиционные представления хакасов о собаке... 196	196
<i>Егорочкин М.В.</i> Охотничья артель, сказитель и промысловая магия текста в традиционном мировоззрении тюрков Южной Сибири..... 216	216
<i>Жанбосинова А.С.</i> Религиозная политика: ислам и советская власть 240	240
<i>Магомедова М.З.</i> Исламская догматика и обрядность и их роль в становлении мусульманского образа жизни..... 251	251
<i>Сабиров Р.Т.</i> Глобальное и национальное в современном монгольском буддизме 259	259
<i>Цаллагова З.Б.</i> Влияние православия на становление и развитие образования в Осетии..... 267	267
<i>Яданова К.В.</i> Предания о камнях богатыря Сартакпая..... 277	277
Список сокращений.....	287
Сведения об авторах.....	289

Ben-Amos D. Toward a Definition of Folklore in Context // JAF. 1971. Vol. 84, №331 (Special issue: Toward New Perspectives in Folklore). Pp. 3–15.

Ben-Amos D. “Context” in Context // Western Folklore. 1993. Vol. 52, №2(4). Pp. 209–226.

Dundes A. What is Folklore? // The Study of Folklore. Englewood Cliffs. N.J., 1965. Pp. 1–3.

Dundes A. Interpreting Folklore. Bloomington, 1980. XIV, 304 p.

Finnegan R. Oral Poetry: Its Nature, Significance, and Social Context. Bloomington, 1992. XXIV, 300 p.

Lord A.B. The Singer of Tales. Cambridge, Mass., 2000. XXXVII, 307 p.

Sims M.C., Stephens M. Living Folklore: An Introduction to the Study of People and Their Traditions. Logan, UT, 2005. XIV, 296 p.

Toelken B. The Dynamics of Folklore. Logan, UT, 1996. XIV, 440 p.

А.С. Жанбосинова

*Восточно-Казахстанский государственный университет
им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск*

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА: ИСЛАМ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

Процесс развития взаимоотношений религиозного культа с государственной властью и их эволюция, длившаяся почти 70 лет, были неоднозначными, их нельзя назвать статичными, а тем более беспроблемными. Перемены, происшедшие в государственном и политическом строе Казахстана, не могли не повлиять на роль и место религии в государстве.

Казахстан – уникальное государство в плане наличия множества конфессий и национальностей, а становление независимости республики лишь способствовало возрождению не только ислама, но и других форм религии на его территории. Поэтому и существует бесспорная необходимость для объективного прочтения истории прошлого нашей страны, в частности законодательно-правовой политики государства в отношении мусульманского культа в Казахстане в период формирования советской государственности.

Несмотря на то, что представители религиозных течений встретили Октябрьский переворот вполне нейтрально, были готовы к конструктивному диалогу, исходя из позиции о переходящем ха-

рактуре власти и вечности религии, советская власть решила избавить народ от оков религиозного мракобесия. Религия рассматривалась советской властью как значительное препятствие в установлении тотальной идеологии большевизма.

Казахстанский ученый Г.Д. Мухтарова в своем исследовании выделяет несколько этапов законодательно-правовых взаимоотношений религии и государства, интерес автора привлекли первые два этапа, имеющие непосредственное отношение к работе. В частности, Г.Д. Мухтарова (2007, с. 45–46) пишет: «1917–1928 гг. – первый этап государственно-религиозных отношений в СССР. На этом этапе состоялась разработка советской модели государственно-религиозных отношений – декреты о религии и церкви, начало их реализации. Второй этап – 1929–1942 гг. – период торжества воинствующего безбожия и антирелигиозного террора. Корректировка религиозной политики в сторону ужесточения была закреплена постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г.».

Советское правительство, пытаясь не допустить отпадения окраин, первое время уделяло пристальное внимание национальному и религиозному фактору. Высокая численность мусульман и нежелание терять национальные окраины обусловили гибкость политики советской власти, направленной исключительно на завоевание их симпатий. Что характерно, для советской власти отношение к исламу было связано с возможностью существования режима в мусульманских регионах. Отсюда и двойственность отношения к исламу, отмеченная рядом исследователей: с одной стороны, ожесточенная борьба с ним, с другой – стремление сотрудничать (Малашенко А.В., 1996, с. 39–47).

В ноябре 1917 г. публикуется обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», где говорилось: «...Рушится царство капиталистического грабежа и насилия. Горит почва под ногами хищников империализма. Перед лицом этих великих событий мы обращаемся к вам, трудящиеся и обездоленные мусульмане России и Востока. Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России! Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются сво-

бодными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное правительство!» (СУ РСФСР, 1917).

Учитывая слабость влияния большевиков в мусульманских районах, вождь революции требовал от них гибкости и осторожности при строительстве нового строя. Это была вынужденная политика, слишком широкие географические просторы не позволяли установить полный и тотальный контроль в азиатской части, которая жила своими законами.

В рамках проводимой политики по отношению к мусульманам Совет Народных Комиссаров даже решил созвать в 1917 г. краевой мусульманский съезд в Петрограде, где верующим-мусульманам вернули их святыню – «Священный Коран Османа», когда-то конфискованный царским правительством.

Как сообщает Г. Мухтарова, книга была вывезена из Самарканда после его завоевания в 1869 г., по распоряжению генерал-губернатора Туркестанского края К. Кауфмана, и хранилась в публичной библиотеке Санкт-Петербурга. Постановление «О передаче Корана, вывезенного из Туркестана царским правительством, в распоряжение мусульман в лице Мехкелия Шаргия» было подписано В. Лениным. Коран хранился в Уфе, затем в 1923 г. был перевезен в Ташкент (Мухтарова Г.Д., 2007, с. 95–96).

Народный комиссариат по делам национальностей был создан в 1917 г., на следующий год в его составе был создан Мусульманский социалистический комиссариат, первым его председателем стал М. Вахитов, одна из ярких личностей татарской интеллигенции. В целях охвата всей территории Казахстана отделы Мусульманского социалистического комиссариата были учреждены в Верном и Семипалатинске (Песикина Е.И., 1950, с. 156).

В 1918 г. создаются Комиссариат по делам мусульман Внутренней России и Сибири, Центральная мусульманская военная коллегия при Народном комиссариате по военным делам, отдел мусульман Ближнего Востока при Народном комиссариате по иностранным делам. В истории взаимоотношений исламского культа и государства есть одно интересное своеобразие – это так называемый «Проект шариата», содержащий 15 разъяснений шариатских

положений, соответствующих коммунистической доктрине. Авторы документа попытались и легитимировать новую власть ссылкой на шариат, и приспособить шариат к новым условиям. «Советских шариатистов», утверждавших, что коммунизм и шариат не противоречат друг другу, в 1921 г. поддерживал народный комиссар по делам национальностей И. Сталин. Народный комиссариат национальностей объявил пятницу выходным днем для сотрудников Мусульманского социалистического комиссариата, а в 1919 г. КазЦИК разрешил празднование праздника Курбан-мейрам в Казахстане (Тахиров Ф.Т., 1997, с. 5).

К слову отметить, что в период 1937 г. – пика массовых репрессий – 35 учеников казахской школы «Жана Аул» в связи с праздником Курбан-айт прекратили занятия на три дня, а колхозники не вышли на работу (ЦГА РК. Ф. 1648. Оп. 1. Д. 5. Л. 46–62).

В инструктивном письме Наркомнаца РСФСР запрещалось применение каких-либо репрессий в отношении мулл за обучение догматам мусульманского вероучения в мечетях, у себя на дому, на дому у граждан по просьбе последних, а также запрещалось закрытие богословских школ, содержащихся за счет добровольных пожертвований частных лиц (Вишневыский А., 1990, с. 44).

В сентябре 1920 г. в Уфе создается Центральное духовное управление мусульман, в сферу его влияния входили и мусульмане Казахстана. Казкрайком констатировал, что «...большим несчастьем для Казахстана явилось то, что была допущена организация духовной иерархии с подчинением казахского духовенства уфимскому центру» (Архив президента РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1518. Л. 7).

В результате власти отказались от политики сотрудничества с ЦДУМ и перешли в наступление на религиозное образование – важнейший институт воспроизводства мусульманского сообщества. 13 сентября 1922 г. ЦДУМ ходатайствовало перед Народным комиссариатом по делам национальностей о том, чтобы дать местным властям распоряжение, воспреещающее закрывать по их усмотрению конфессиональные мусульманские мектебы и медресе.

Но с начала 1923 г. религиозные школы округа ЦДУМ закрываются. НКВД и Наркомпрос РСФСР издали инструкцию от 21 августа 1925 г., которая ввела ограничения в систему религиозного образования, теперь преподавание религии могло проводиться только в мечети и по постановлению $\frac{3}{4}$ населения аула, преподавателем религии мог быть только мулла, с соблюдением обязательной регистра-

ции и утверждения губернского административного отдела и отделов народного образования (Госархив ВКО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 129. Л. 10).

После собрания духовенства, прошедшего в Уфе, среди мусульманского населения Восточной области Казахстана распространился слух, якобы правительство разрешит преподавание мусульманского вероучения детям школьного возраста без ограничений. В связи с этим Кировский райком в Усть-Каменогорске предложил не препятствовать муллам в их преподавании вероучения. Но при этом потребовал, чтобы это происходило во внеучебное время и только в мечетях и для детей, окончивших 1 ступень советской школы и не достигших 14 лет (Госархив ВКО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 15. Л. 111).

Несмотря на возможности легального преподавания, муллы приступают к открытию подпольных школ, начинают агитацию за открытие религиозных школ, организуют отправку писем от имени верующих в центральные государственные и партийные органы. В каждом уезде края имелись религиозные детские школы, которые вместе с преподавателями-муллами состояли на иждивении зажиточного слоя казахского населения. В Кантской, Саратовской, Мендешевской и Энрикентской волостях Каркаралинского уезда Семипалатинской губернии «байщина содержит за свой счет ряд детских религиозных школ, оказывая поддержку муллам», сообщалось в донесениях вышестоящим органам власти (Архив президента РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 951. Л. 264).

Центральное руководство полагало, и данная мысль красной нитью проходила в содержании многих партийных документов, что Казахстан всегда был далек от различного рода исламских духовных организаций, что первые шаги деятельности мусульманских организаций выражались в оформлении и создании по заданию Уфимского ЦДУ мусульманских приходов, с оформлением этих ячеек началось создание религиозных школ. Всего в Казахстане по официальным данным (т.е. зарегистрированных) на 1 января 1924 г. насчитывалось 19 школ примерно с 280 учениками, из них только в Семипалатинской губернии – 8 школ, на 1 января 1925 г. на губернию приходилось уже 13 школ (Архив президента РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 355. Л. 6–8).

Для более широкого привлечения населения южных регионов Азии в начале 1920-х гг. Пленум Средазбюро ЦК РКП (б) принял решение о возвращении вакуфных земель, расположенных в черте города, мечетям и медресе. Всероссийский мусульманский съезд,

состоявшийся в 1923 г. в Уфе, активизировал казахское население, повсеместно духовенство проводило обсуждение наказов верующих. На предсъездовских собраниях участвовало много народа, они проходили слишком оживленно, что, естественно, привлекало внимание ОГПУ.

На территории Казахстана после съезда были созданы мухтасибаты и мутаваллиаты. Мухтасибат – духовное управление, объединявшее общины определенного района. Возглавлял его избранный на районном съезде духовенства мухтасиб, два мушавиры – его советники и помощники – тоже избирались. В административном ауле центром религиозной жизни был мутаваллиат (приход). Верующие избирали муллу, муэдзина, а также совет мутаваллиата, состоявший из 3–5 человек. По сведениям Казкрайкома ВКП(б), к 1927 г. на территории Казахстана действовали 55 мухтасибатов – из них в Семипалатинской – 8 (Архив президента РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1541. Л. 6).

По сведениям ЦДУМ, в 1931 г. в его введении числилось 58 мухтасибатов Казахстана, из них в Семипалатинской губернии – 6 (Семипалатинск, Зайсан, Бухтарма, Усть-Каменогорск, Каркаралинск – 2) (Мухтарова Г.Д., 2007, с. 123).

В Семипалатинской губернии, отмечал ПП ОГПУ по КССР, активизировалась деятельность мусульманского духовенства, которое использовало для подъема религиозных чувств прошедшие в мае религиозные праздники. В Рамазан-Айт прошли крупные собрания верующих в мечетях. Муллы 8 и 10 аулов Бухтарминского уезда в проповедях склоняли верующих производить сборы в пользу мечети и открыть мусульманские школы. В самом Семипалатинске наблюдалось укрепление религиозных чувств, особенно среди татар, крайне озлобленных политикой и действиями киргизско-татарского клуба (Архив президента РК. Ф. 718. Оп. 1. Д. 434. Л. 37).

В 1926 г. в официальных документах властей Казахстана появляется тезис об антисоветском характере мусульманской религии. С последующего года начинается не просто антирелигиозная пропаганда, а ставится вопрос об искоренении религии вообще. Расколом мусульман занимался Восточный отдел ОГПУ, с этой целью в Уфе создается БашДУ, там же, где действовал ЦДУМ, и начинается долгая и напряженная история взаимоотношений БДУ и ЦДУМ. Соответствующие органы советской власти умело использовали эту ситуацию для подавления ислама в целом и уже к концу 1930-х гг. оба управления претерпели большой урон.

Конец 1920-х гг. ознаменовал собой масштабное наступление на религиозные объединения, центральные органы уже не контролировали ситуацию на местах, изъятие религиозных зданий и само закрытие религиозного культа проходили столь поспешно, что на соблюдение законности не оставалось времени. Для отказа в регистрации и простого закрытия требовалось совсем немного – малейшее несоблюдение договора или его отсутствие, неуплата налогов и пр.

По данным Центральной Постоянной комиссии по вопросам культов, в первые годы советской власти в Казахстане действовало 2500 культовых зданий. По сведениям, которые комиссия представила правительству в 1918–1931 гг., в крае было закрыто 1630 молитвенных домов, из них 782 мечети, в 1931–1933 гг. с утверждения ВЦИК были закрыты 8 зданий культа, а 879, из них 499 мечети, как считала комиссия, продолжали функционировать (Мухтарова Г.Д., 2007, с. 163).

Н. Нуртазина (2008, с. 14) сообщает, что с 1929 по 1933 г. в Казахстане волевым путем было закрыто 198 церквей и мечетей.

По Семипалатинскому округу на 1929 г. были изъяты 79 религиозных зданий, из которых 57 церквей, 10 мечетей, 10 молитвенных домов, 2 часовни. До 1917 г. в Семипалатинске действовало 12 мечетей (Госархив ВКО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 208. Л. 2, 3а, 4, 5).

По информации ОГПУ, поступившей в Постоянную Центральную комиссию, только в Усть-Каменогорском мухтасибском районе в 50 аулах существовало 88 приходов со служителями культа – 50 имамов и 38 муэдзинов. Из них в 1931 г. осталось 2 служителя культа: в Усть-Каменогорске и ауле №6 Уланской волости, т.е. из 88 мечетей осталось всего три (История Казахстана, 2010, с. 173).

Антирелигиозная направленность политической власти проявилась во всей полноте и в налоговой сфере. «Религиозные объединения рассматривались как «доходные» частные предприятия, что привело к обложению их налогами наравне с последними. Сборы налогов и иных обязательных платежей с религиозных общин, сопровождавшиеся откровенными издевательствами, приобрели такие масштабы, что государство через некоторое время было вынуждено само прекратить такую порочную практику» (Русская православная церковь, 1996, с. 86).

В информации от Уполномоченного СемГООГПУ по Усть-Каменогорскому уезду сообщается, что в районе киргизских волос-

тей наблюдается обложение налогами попечителей, членов приходских советов, мусульманских религиозных обществ. Наблюдались случаи, когда Комитеты взаимопомощи настоятельно требовали от мулл отчисления одной трети получаемого ими дохода – в фонд Комитета взаимопомощи; такой случай наблюдался в ауле №8 Уланской волости, где председатель Комитета взаимопомощи Даутбек Кыстаубаев объявил мулле Рақыша Аукпаеву, что муллы обязаны одну треть получаемого дохода отчислять в фонд Комитета взаимопомощи, а секретарь сельсовета Джагфар Хусаинов подтвердил сказанное. Уполномоченный объясняет в письме, что, поскольку мы «имеем отделение церкви от государства, никакого обязательства в данном случае мулле организации мест предлагать не могут. Об изложенном прошу поставить в известность все волисполкомы, сельские, аульные советы» (Госархив ВКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 606. Л. 83).

Репрессии, выпавшие на долю религиозного культа в годы Советской власти, по своему содержанию были беспощадными и жестокими. Отдельная категория представителей советского общества пострадала за веру и религиозные убеждения, можно даже сказать, что именно они больше всех испытали произвол и насилие властей с самого начала установления советской власти. В тяжелом положении оказалось православное духовенство, священнослужители пострадали в первую волну красного террора, но маховик репрессивной машины лишь продолжал сильнее раскручиваться, пик его пришелся на 1937 г., служители культа сначала приговаривались к трем годам, затем к десяти, а потом и к расстрелу. Следует отметить, что мусульманское духовенство пострадало не меньше, но его положение облегчалось внутренним мироустройством, где не было иерархических степеней, как в православии, роль религиозных наставников в исламе могли выполнять представители старшего поколения, ислам укрылся в семьях, большая часть мусульманского духовенства была репрессирована по анонимным доносам. Страницы республиканских и областных газет пестрели многочисленными публикациями, разоблачающими «антисоветскую деятельность» духовенства, его связи с «контрреволюционными организациями и группировками». Газетные статьи сообщали, что за последнее время органами НКВД, возглавляемого сталинским наркомом, раскрыта контрреволюционная деятельность духовенства. Процесс над национал-фашистами Казахстана показал, что они в союзе с духовенством готовили бандитско-повстанческие кадры

с целью отторжения Средней Азии от СССР и организовали кулацко-байские организации в союзе с муллами, попами и сектантскими главарями контрреволюционные группы для диверсионной работы (ЦГА РК. Ф. 1648. Оп. 1. Д. 3. Л. 5). Газета «Екпенды» за №171 от 28 июля 1937 г. сообщала, что в Аксуатском районе открыто действует мулла Жакупов Семжан, который активно занимается контрреволюционной деятельностью. С. Жакупов был арестован 16 июня 1938 г., а 18 октября 1938 г. приговорен к расстрелу (Архив президента. Ф. 141. Оп. 1. Д. 13852. Л. 69).

8 июня 1937 г. издается директива ГУГБ НКВД СССР «Об агентурно-оперативной работе по антисоветским тюрко-татарским националистическим организациям». Отмечается активизация «националистических элементов» в национальных республиках, в том числе и Казахстане, захват ими руководящих постов, «блокирование с троцкистами и правыми и прямая ориентация на фашизм», «организация повстанческих кадров для вооруженного выступления в момент войны против СССР», «совершение местных террористических актов и подготовка центрального террора». Приказано «во всех восточных национальных республиках и областях работу по разгрому националистического подполья рассматривать как работу первостепенной важности». На основании директивы в Казахстане развернулась масштабная операция по тотальному уничтожению духовенства.

В послевоенное время политическая ситуация несколько изменилась, уже не было столь ожесточенного преследования религиозного культа и в то же время можно было наблюдать противодействие со стороны властей по деятельности религиозных центров. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СНК СССР по Семипалатинской области 20 апреля 1945 г. в своем отчете писал, что «в первом квартале 1945 г. ходатайств от верующих граждан об открытии молитвенных зданий и регистрации религиозных обществ не поступало». Однако документы свидетельствуют об обратном, в частности, член духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана Казы Габдульгафар Шамсутдинов устно обращался к Уполномоченному Совета по делам религиозных культов о предоставлении ему пустующей мечети по улице академика Павлова, 60, с целью сохранения ее от разрушения и для использования в качестве канцелярии. Однако в компетенцию уполномоченного не входило решение таких вопросов самостоятельно.

Во втором квартале на имя уполномоченного поступило два ходатайства об открытии молитвенных зданий: одно от мусульман города Жана-Семей об открытии мечети, второе от евангельских христиан и баптистов Семипалатинска об открытии молитвенного дома, а также о регистрации религиозной общины мусульман при действующей мечети Семипалатинска по ул. Омская, 26. В 1945 г. была открыта нелегальная мечеть в г. Аягуз, несмотря на отсутствие официального запрета, местные власти 4 октября 1945 г. закрыли мечеть, а здание передали горкомхозу (ЦГА РК. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 5-с. Л. 39, 51).

Факты свидетельствуют, что представители религиозного культа различного вероисповедания прилагали усилия по открытию и регистрации их религиозных объединений, однако власти во главе с уполномоченным по делам религий при СНК СССР находили причины для отказа. 27 июня 1946 г. группа мусульман в количестве 20 человек попросила зарегистрировать общину и отдать им здание бывшей татарской школы под мечеть по ул. К. Либкнехта (Госархив ВКО. Ф. 176. Оп. 6. Д. 8–11. Л. 4). Исполнительный комитет Лениногорского горсовета депутатов трудящихся 23 мая 1947 г. отказывает в ходатайстве религиозному объединению в выделении зданий по ул. Кирова, 81 и К. Либкнехта, 2, мотивируя тем, что здание, находящееся по ул. К. Либкнехта, давно используется под квартиры и по своему техническому состоянию непригодно для сбора толпы с целью отправления религиозного культа, а по ул. Кирова – ввиду старости постройки (впоследствии здание было разобрано и отстроено вновь для Дома пионеров). К слову сказать, согласно архивным данным, здание, располагавшееся по ул. К. Либкнехта, когда-то было куплено самими верующими в 1937 г., и даже имелась копия акта (ГАВКО. Ф. 176. Оп. 6. Д. 8–4. Л. 1–3).

Несмотря на отсутствие религиозных зданий и гонения со стороны властей, верующие отправляли религиозный культ в непригодных для этих целей помещениях, искали всевозможные лазейки для проведения религиозных мероприятий. Информация уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СНК СССР по ВКО Г. Сатаева лишь подтверждает, что верующие в Советском Союзе не исчезли, а лишь вынужденно скрылись из-под опеки властей. Например, Г. Сатаев пишет что, в Шемонаихинском районе имелось 97 верующих мусульман, их обслуживал мулла Мутавалли Табысаров Ахметбек, имеющий документы от мухтаси-

ба Казыя Средне-Азиатского духовного управления мусульман Шамсутдинова Габдыгафара, далее он же сообщает, в Шемонаихинском совхозе – 30 верующих мусульман, их обслуживал мулла Дакиев Сакен, в Михайловском совхозе – 30 верующих мусульман, их обслуживал мулла Темербеков Жангазы, в Уженогонском совхозе – 25 верующих мусульман, их обслуживал мулла Шорманов Ураз, в Верхней Шемонаихе – 30 верующих, их обслуживал мулла Алимов Дюсебай (Госархив ВКО. Ф. 176. Оп. 6. Д. 8–10. Л. 1). По подсчетам уполномоченного – 222 верующих, а сколько их осталось неучтенных. Верующие не могли получить разрешение на открытие молитвенного здания, так как местные власти отказывали им ввиду отсутствия свободных помещений, все бывшие религиозные здания использовались не по назначению.

Анализируя события тех лет по архивным материалам, пытаемся понять, какие факторы обусловили жестокость и репрессивные гонения против служителей религиозного культа в стране. Конечно, вышестоящее политическое руководство, пришедшее к власти, провозгласило курс на искоренение религии, создало условия для закрытия храмов, формально одергивая зарвавшихся местных аппаратчиков, проявлявших чрезмерное рвение. Однако политическая атака пошла дальше, она стала носить субъективный характер, стал уничтожаться субъект-носитель религиозной духовности. На взгляд автора, факторами, детерминировавшими репрессии против служителей религиозного культа, явились:

– революционный настрой и революционные задачи – «мы наш, мы новый мир построим...», место для старого и его представителей не предусматривалось, революционное сознание, порожденное накалом страстей, облеченное в теорию «усиливающейся классовой борьбы», стало исходной точкой карательных мер;

– политическая ситуация способствовала появлению ярких антиклерикалов, тонко почувствовавших направление флюгера политического курса новой власти с ее нетерпимостью и нескрываемой ненавистью ко всему религиозному, духовному;

– официальная пропаганда партии большевиков как паутина опутывала сознание, индифферентный винтик советского общества превращался в передовой авангард борьбы с носителями религии, особенно это касалось молодого поколения, благодаря атеистическому воспитанию они и стали главным звеном в реализации репрессивной машины. В архивных документах можно найти множество свидетельств о хулиганствующих выходках по отношению к

культу и его представителям: избиения служителей православия и мусульманства, совершение кощунства в мечетях и церквях и пр. Союз воинствующих безбожников поощрял насилие и надругательство, а как иначе вести борьбу, они не знали, так как понятие «борьба», постоянно упоминавшееся в инструкциях, уже означало призыв к насильственным действиям.

Библиографический список

Вишневский А. Как это делалось в Средней Азии // Наука и религия. 1990. №3. С. 41–56.

История Казахстана (с древнейших времен и до наших дней): в 5 т. Алматы, 2010. Т. 4. 768 с.

Малашенко А.В. Мусульманский мир СНГ. М.; СПб., 1996. 182 с.

Мухтарова Г.Д. Ислам в советском Казахстане (1917–1991 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Уральск, 2007. 310 с.

Нуртазина Н.Д. Борьба с исламом. Религиозная политика советской власти в Казахстане в 20–40-е годы XX века. Алматы, 2008. 36 с.

Песикина Е.И. Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность в 1917–1918 гг. М., 1950. 256 с.

Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–941: док. и фотомат. М., 1996. 845 с.

СУ РСФСР. 1917. №6. Приложение 2.

Тахиров Ф.Т. Пятнадцать вопросов и ответов по шариату. Душанбе: Таджик. гос. нац. ун-т, 1997. 56 с.

М.З. Магомедова

*Региональный центр этнополитических исследований ДНЦ РАН,
Махачкала*

ИСЛАМСКАЯ ДОГМАТИКА И ОБРЯДНОСТЬ И ИХ РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ МУСУЛЬМАНСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Самая «молодая» по времени возникновения мировая религия – ислам – удовлетворяет потребности своих последователей, начиная с истоков своего возникновения в VII в., уже в течение четырнадцати веков. Исламское мировоззрение, сформировавшееся в результате долгих поисков и сменившее религиозные культы древности, представляет собой определенную ступень эволюционного развития. Религиозная система, сложившаяся на стыке древ-